

**Исчезновение национального и колониального дискурсов:
текстология очерка «Тень Птицы» И.А. Бунина**

Книга И.А. Бунина «Храма Солнца»¹ множество раз становилась предметом исследования в рамках постколониальной критики: [Анисимов.2013], [Голицына], [Килганова], [Лишова], [Grob], [Kislova], [Shagayeva]. В целом, исследователи склонны считать, что текст Бунина антиколониален, что Восток его интересует как историко-культурное пространство и именно это привлекает исследователей, т.к. текст Бунина не типичен, не строится на известной ориенталистской бинарности: (правильный, сильный, культурный) Я vs (слабый, некультурный, варварский) Другой.

В антиколониальном и антикапиталистическом дискурсах Бунин схож с официальной риторикой Советского Союза и именно поэтому С.Л Гольдин в своей идеологически правильной статье исследует бунинский Восток как общую точку соприкосновения. Гольдин заканчивает статью такими словами: «Путь Бунина был чрезвычайно противоречив и сложен. Все враждебное нам мы в нем осуждаем. Однако мы не отбрасываем то правдивое, ценное, что было в творчестве крупного русского писателя, которого ценил А.М. Горький» [Гольдин, с. 20]. Ему в какой-то степени вторит современный и не ангажированный исследователь — Т. Grob, который заключает, что у Бунина вряд ли можно наблюдать колониальное отношение к Востоку [Grob, s. 241]. Об этом же говорит К.В. Анисимов, а также добавляет, что: «в самих травелогах <...> Запад и Восток не только не

¹ Во избежание путаницы стоит сразу оговориться о названии книги. На данный момент (со времен первых советских изданий бунинских текстов и собраний сочинений по настоящее время) устоявшимся названием книги считается «Тень Птицы» (первый очерк имеет одноименное название). Однако мы называем книгу Бунина «Храм Солнца», такое заглавие кажется нам текстологически верным и так книга будет названа в рамках первого научного издания. Подробнее об эдиционном вопросе см.: [Пономарев].

противопоставлены, но <...> прихотливо переплетены и примерены в пространстве памяти героя» [Анисимов.2013, с. 469–470]².

Однако существует большая разница между доэмигрантскими и эмигрантскими изданиями. Например, в издании 1917 г.³ Бунин открыто декларирует своё желание описать для русского читателя «подлинную Турцию»:

Не сразу и заметишь среди вилл, дворцов и садов подлинную Турцию — эти узкие и высокие деревянные домики с черепично-оранжевыми крышами под зелеными тополями и синими кипарисами, домики, столь потемневшие от времени. [ХС.1917, с. 47]

В эмигрантских изданиях этот пассаж снят, однако данный пафос, писателя-европейца — показать ту самую «подлинность», безусловно, остается. Единственный эпизод, который выносится на обсуждение исследователями с отрицательным и антинациональным знаками, это так не понравившийся еще современникам⁴ пассаж Бунина про Россию:

«с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя. Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом. И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, в котором чувствуешь только одну власть — власть Нептуна». [ХС.1917, с. 41]

Этого пассажа нет в эмигрантских изданиях. Более того, это пример редкой цитаты, вошедшей в раздел «Из ранних редакции», который А.К. Бабореко включил в 9-ти томное издание (1965-1967) [ТП.1965].

² См. также: [Анисимов, Пономарев.2022б].

³ Здесь и далее мы, преимущественно, будем ссылаться на это издание как на образец последнего доэмигрантского издания.

⁴ «Почему лучшие русские поэты отвернулись от России? Пускай в бегах вся корпорация символистов с Бальмонтом во главе — у этих господ прогрессивный паралич чувства родины. Но почему кажет спину Иван Бунин, доморощенный поэт по преимуществу? Какая злая муха укусила простодушного деревенского мечтателя, что заметался он по белу свету, что променял родное очарование Орловской губернии на чуждые красоты специфического Востока?» [Бурнакин, с. 4]. Не понравилось это и другим критикам, см: [Мережковский; Чуковский].

Исследователи, как правило, всегда указывают на последующее исключение этого фрагмента. Это связывают с тем, что Бунин-эмигрант просто не мог позволить себе такие неполиткорректные высказывания, будучи первым русским писателем эмиграции. Мы согласны с этой точкой зрения. Однако нам кажется, что исследователи упускают то, как «изъятые» фрагменты вписывались в поэтику текста и с какими иными фрагментами текста вступали в диалог. Следовательно, упускается и то, как видоизменившийся текст реинтерпретируется. Задача нашей статьи состоит в том, чтобы вернуть травелог Бунина в среду времени его создания (00–10-е гг. XX в.) и посмотреть, как, на уровне поэтики и смыслов, он считывался современной читательской аудиторией. В нашей работе мы рассмотрим первый очерк книги — «Тень Птицы». Этот очерк представляется нам «программным», в нем описаны основные установки поэтики текста, которые масштабируются на иные очерки. Для начала обратимся к истории текста.

В 1900–1910-е гг. И.А. Бунин много путешествовал, в том числе на Восток, он побывал в Турции, Египте, Сирии и Палестине, (позднее на Цейлоне) после чего начал писать очерки из будущей книги «Храм Солнца» (первая полная публикация — 1915 г.). Очерки из книги сначала печатались и перепечатывались отдельно в газетах, журналах и сборниках, начиная с 1908 года. Текстология отдельных и совместных публикаций очерков и книги в целом, позволяет четко разделить публикации на два корпуса текстов: опубликованные в России (1908–1917) и опубликованные в эмиграции (1925–1936)⁵.

В 1908–1912 гг. публикуется первый и основной корпус текстов: «Тень птицы»⁶, «Зодиакальный свет»⁷, «Море богов»⁸, «Пустыня дьявола»⁹, «Храм

⁵ Подробнее об истории публикаций и текстологии см: [Щавлинский М. С.2022]; [Анисимов, Пономарев.2022a].

⁶ Бунин И.А. Тень птицы // Альманах «Земля», сб. 1. Москва, 1908. С. 229–272.

⁷ Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. Москва, 1908. С. 13–39.

солнца»¹⁰, «Иудея»¹¹ (позднее некоторые главы из «Иудеи» стали самостоятельными очерками: «Камень» и «Шеол»), «Мертвое море»¹², (позднее очерк будет публиковаться под заглавием «Страна содомская»). В 1912 г. Бунин пишет последний очерк из «Тени Птицы» в доэмигрантском периоде творчества — «Геннисарет»¹³.

Впервые очерки были опубликованы как единое целое под названием одного из очерков «Храм солнца» в 1915 году в составе (ПСС В 6 т.) 4 тома И.А. Бунина в издательстве А.Ф. Маркса. В 1917 году выходит книга «Храм солнца» с 18 рисунками в тексте и сборник дополняется 19 «восточными» стихами.

Бунин возвращается к очеркам в середине 20-х — начале 30-х гг., изменяет некоторые из них, пишет новые, а после снова перепечатывает. В 1925 г. появляется очерк «Город царя царей»¹⁴, затем — в 1927 г. — Бунин перерабатывает очерк «Геннисарет» и публикует его под заглавием «Христово озеро»¹⁵.

В 1931 г. Бунин вновь публикует книгу очерков отдельным изданием и впервые дает ей заглавие «Тень птицы». В книгу, кроме вышеупомянутых очерков, включен очерк «Шеол» (изначально 6 глава «Иудеи»), а очерку «Христово озеро» возвращается заглавие «Геннисарет» [ТП.1931].

В 1932 году появляется и отдельно печатается ещё один очерк «Дельта»¹⁶ — он состоит из переработанных в одно произведение концовки очерка «Моря богов» и начала очерка «Света Зодиака». На этом завершается

⁸ Бунин И.А. Море богов // Журнал «Северное сияние». Санкт-Петербург, 1908. № 1, ноябрь. С. 31–46.

⁹ Бунин И.А. Пустыня дьявола // Русское слово. 1909. № 296. 25 декабря. С. 3.

¹⁰ Бунин И.А. Храм солнца // Современный мир. 1909. № 12. С. 33–42.

¹¹ Бунин И.А. Иудея // Друкарь Лит. сб. под ред. Н.Д. Телешова. Москва: Вспомог. касса типографов, 1910. С. 41–69.

¹² Бунин И.А. Мертвое море // Русское слово. 1911. № 158. 10 июля. С. 3.

¹³ Бунин И.А. Геннисарет // Русское слово (Москва). 1912. № 297. 25.12.1912. С. 4.

¹⁴ Бунин И.А. Город царя царей // Газета «Руль». Берлин, 1925. № 1284 (22 февраля) ; № 1285 (24 февраля). С. 2–3 ; С. 2–3.

¹⁵ Бунин И.А. Христово озеро // Возрождение. 1927. № 691. 24 апреля. С. 3.

¹⁶ Бунин И.А. Дельта // Последние новости. 1932. № 4085. 29 мая. С. 3.

история газетных\журнальных публикаций очерков из сборника «Тень Птицы».

Последняя прижизненная публикация «путевых поэм» была в 1936 г. Бунин вернул заглавие «Храм Солнца» (также озаглавлен том книги — в этом издании тома имели самостоятельные названия). Стихи даны отдельным блоком.

Теперь обратимся к советским переизданиям. В качестве канонического текста воспроизводился и воспроизводится текст по изданию 1936 г. Первые текстологические разыскания и первый комментарий к тексту книги были сделаны в 3 томе (СС В 9 т., 1965–1967) [ТП.1965], затем в 3 томе (СС В 6 т., 1987–1988) [ТП.1987] и 4 томе (СС В 8 т., 1993–2000)¹⁷ собраний сочинений Бунина¹⁸. Во всех советских и постсоветских изданиях книга получила название «Тень Птицы». Публикаторы после А.К. Бабореко воспроизводили текст и заглавие от издания к изданию¹⁹.

Краткая текстологическая справка призвана наглядно продемонстрировать длительность «жизни» текста. Неоднократное переписывание текста, исключение и добавление фрагментов сильно отделили текст от изначального замысла в пользу конечного результата. Однако, на момент создания первых очерков (1908) и до каноничного текста (1936) литературным фактом являлись издания 1915 и 1917 г., читающая публика России 00-10-х гг. XX в. знала именно эти варианты текста, а не тексты 1931 и 1936 гг.

Советское литературоведение закрепило «отчуждение» первых вариантов текста в угоду, сначала просьбы Бунина, изложенной в предисловии к 1 Т. СС. «Петрополиса»: «я очень прошу читателей, критиков

¹⁷ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. Произведения 1907–1924. М., 1995. 525 с.

¹⁸ Указаны основные собрания сочинений, по которым осуществляется перепечатка текстов, вступительных статей и комментариев во всех дальнейших одиночных изданиях или собраниях сочинений.

¹⁹ Список переизданий см: [Щавлинский.2021б].

и переводчиков пользоваться этим текстом» [ХС.1936. с. 7], а затем и в угоду «литературного завещания» писателя. В изученных нами работах о «Храме Солнца», исследователи, преимущественно работают с переизданиями именно этого варианта текста. Таким образом, важно отметить, что в исследованиях игнорируется динамика текста и та огромная разница, которая есть между доэмигрантскими и эмигрантскими изданиями. Только в последних работах [Пономарев; Анисимов.2021] можно встретить обращение к первым изданиям отдельных очерков и книг.

Так, например, К.В. Анисимов анализируя мотив отплытия из России у Бунина, приводит цитаты по изданию 1915 г. (те, что в эмигрантских изданиях автором исключены): «Читатель открывающего цикл очерка “Тень птицы” помнит, что его герой, оказавшись уже “за триста миль” от России [ХС.1915. с. 173], на самом подходе к Стамбулу, наблюдает странное присутствие совершенно “русских” деталей на борту парохода, порвавшего, казалось бы, уже “всякую связь с землёю” [ХС.1915. с. 172]. Наставленные друг на друга клетки с “мирно переговаривающимися курами”, виднеющиеся из трюма “крупы лошадей и дымчатых быков”, “по-деревенски” пахнущие “стойлом, прелым сеном” [ХС.1915. с. 174]»²⁰. По мнению исследователя: «исходная посылка путешественника, вдруг решившего заговорить о своём равнодушии к России, диссонирует с общим контекстом не только идеологически, но в первую очередь художественно» [Анисимов.2021, с. 88].

Любопытным, нам кажется, поговорить и о мотиве прибытия в «Другое» пространство. Хоть Бунин и описывает Стамбул как знакомое место, где «проводник мне не нужен» [ХС.1917, с. 50], тем не менее, начинает он с не очень лестной орнитологической метафоры:

«А возле парохода яростно дерутся из-за сора розовые от заката чайки, качают красные круги баканов и сотни лодок, наполненных грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и

²⁰ См. [Анисимов.2021, с. 86].

православными... Все глаза и головы подняты на нас, кверху, — и вдруг сотни рук кидаются к опустившемуся трапу, и начинается нечто еще более яростное, чем драка чаек...» [ХС.1917, с. 41].

Дерущиеся из-за сора чайки кажутся Бунину менее дикими, чем встречающие корабль люди. И это не единственный случай своеобразного «зооморфизма»: «целый базар четок, которыми, сидя на коврах, торгуют старые-престарые обезьяны в тюрбанах» [ХС.1917, с. 67]. Эти цитаты не исключены и присутствует во всех изданиях, но обходятся исследователями стороной и назвать их «антиколониальными» никак нельзя. Однако считаются они совсем по-разному. Если по изданию 1936 г. это действительно можно расценить как обвинение турок в «дикарстве», то в издании 1917 г. это нивелируется общим отвращением как русским, так и к туркам.

Русские паломники и путешественники для Бунина также невежественны: «неуклюжей толпой проходят лохматые русские, наступающие всем на ноги» [ХС.1917, с. 56], в подворье «охватывает знакомый русский запах — плесени и сырости», где «молодой монах» говорит на «том противном русском языке, который почти сплошь состоит из уменьшительных и ласкательных имен» [ХС.1917, с. 54-55], «особенно грубы в своих укорах путешественники русские» [ХС.1917, с. 62]. Бунин занимает позицию космополита, для которого что турок, что русский — все едино (ср.: «Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом» [ХС.1917, с. 41]). Такое отчуждение своего национального подчеркивается не только негативной оценкой всего русского, что встречает рассказчик, но и подчеркнутым отчуждением от русского языка («на том противном русском языке»). Русский язык становится в ряд других национальных языков, которые слышит рассказчик (французский, английский, греческий, арабский) и на которых говорит сам: «радостно кричу ему по-русски, по-гречески, по-арабски» / — Герасиме! Добрый вечер! Калиспера! Меса бель хайр!» [ХС.1917, с. 50].

Бунин идет дальше и размывает строгость культурной идентификации:

Потом гляжу на приземистый абрис Софии, в котором есть что-то непередаваемо-древнее, как в куполе синагоги. Вижу, возле нее, среди запущенного серальского сада, на берегу стамбульского мыса, остатки древних стен Византии и дворца Константина... / — Возвышается София над городом, как корабль на якоре! — говорили когда-то. / Теперь она осела, затерялась среди новых мечетей. Издалека она кажется даже небольшою. Не велик и дворец. Он из серого камня, прост, груб, как крепостная тюрьма, крыша на нем без выступа, окошечки узкие, высоко пробитые... И как чужд он всему — он и София — даже здесь, в старом Стамбуле! [ХС.1917, с. 49]

Писатель описывает архитектурные формы изначально христианского храма, который на момент путешествия давно является мусульманским, через сравнение с синагогой (иудаистическим храмом). Кроме того, Айя-София — визитная карточка Ислама и архитектурный образец будущих мусульманских мечетей — «затерялась среди новых мечетей». При этом, Айя-София и дворец Константина считаются как рудимент Константинополя и представляются инородными «даже <...> в старом Стамбуле». Для Бунина это Авраамический символ, и такой «синкретизм» религий вписывается в его космополитическую логику²¹. В таком же ключе Бунин снимает традиционную критику со стороны христианских паломников в адрес ислама:

Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские. / — Я победил тебя, Соломон! — с восторгом вспоминает один слова тщеславного Юстиниана, этого варвара, загромоздившего дивное создание зодчего золотом и серебром. / — Нет таковой красоты и славы нигде на земле! — повторяет другой слова киевских мужиков, послов Владимира. / И все в один голос клянут турок, осквернивших великую и несравненную святыню христиан. / Но, во имя Бога милостивого и милосердного, зачем же приводить тогда слова летописцев, изображавших свирепое нашествие на Софию «христовых воинов» четвертого крестового похода, — воинов, разбивавших раки угодников и гробницы императоров, сдиравших одежды с трупов и мантии с мощей, топтавших в азарте грабежа образá, разливавших из потиров

²¹ См. подробнее: [Щавлинский.2021а, с. 945–947].

Кровь Христову, вводящих в алтари лошадей и мулов, «кои, пугаясь блестящего пола, падали и оскверняли его калом»! Зачем вспоминать христиан варварски-пышной, содомски-развратной и люто-жестокой в убийствах и вероломстве Византии! Ее императоров, увешанных золотом, парчей и самоцветами, — идолов, которые почитали себя, при всей своей мерзости, воплощениями Христа и требовали, чтобы пред ними совершали богослужения! Ее город — «скинию Всевышнего» — вмещавший, по словам тех же летописцев, сброд со всех концов мира и все пороки человеческие! [ХС.1917, с. 62-63]

Жестокость и варварство христиан и мусульман, для Бунина, уравнивается, что, опять же, ведет к синкретизму. (В эмигрантских изданиях все примеры христианского варварства отсутствуют). Бунин полностью переиначивает традиционное для русского путешественника (и читателя) восприятие Айя-Софии. Внешне это инородное тело даже для старого Стамбула, «след» христианского Константинополя, а не классический исламский храм, а внутренне, Бунин предлагает увидеть прекрасное в отрицании христианской природы собора, — в замазывании фресок, в наготе Софии — когда как русские (шире — христианские) путешественники отрицают исламское в Айя-Софии:

Турецкая простота, нагота Софии возвращает меня к началу Ислама, рожденного в пустыне и уже потом изукрашенного мавританской роскошью. Я знаю цену кружевному мавританскому зодчеству, арабескам и письму, узорчатая вязь которого зачастую не только письма, а и произведение великого мастерства. Но, к счастью, ничего этого нет в Софии. [ХС.1917, с. 63-64]

Значимость и важность Востока и его культурного наследия, по Бунину, не понимает почти никто от жителей и правителей Востока, до французских колонистов и русских губернаторов:

Но я уже давно знаю, что и Змеиная Колонна не избежала рук доблестных завоевателей, упорно задающих человечеству работу Сизифа: Константин перетащил колонну на Ипподром, а Магомет сбил палицей головы змеям... совсем как тот французский генерал, который приказал выпалить из пушки по профилю сфинкса возле

Великой пирамиды, или смоленский губернатор, отдавший мраморный саркофаг великого князя Давида на ясли в пожарную команду! [ХС.1917, с. 66]

Помимо устоявшегося взгляда на антиколониальность бунинского травелога, среди исследователей сложился консенсус относительно понимания хронотопа и философского пафоса текста²². Например, А.Л. Латухина полагает, что «в пространственно-временной структуре цикла выделяются три уровня: мифопоэтический хронотоп, историко-культурный хронотоп, соответствующий «эпическому прошлому», и хронотоп героя — «незавершенное настоящее» (пространство и время путешествия), связующим элементом в этой структуре является жанрообразующий мотив пути. [Латухина, с. 8]. Н.В. Пращерук, помимо пространственно-временных категорий исследует «Храм Солнца» как философский текст. Исследовательница подходит к тексту с точки зрения феноменологии и полагает, что главная задача Бунина формулируется как переход из временного в вечное в «правильном» (вневременном) пространстве, что «“выход” из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти» [Пращерук, с. 16]. Мы согласны с исследователями, в понимании хронотопа и в определении «философской» сверхзадачи текста, однако считаем, что обращение к дореволюционному тексту позволяет не только нагляднее артикулировать высказанные точки зрения, но и предложить принципиально иную, ранее игнорируемую категорию времени в данном тексте — будущее. И, как нам кажется, именно в этой бинарности (прошлое vs будущее) изначально описывался образ Востока.

Для начала обратимся к тому, как представляет рассказчик цель своего путешествия на Восток:

Через несколько часов я опять увижу святую Софию. Через несколько дней я буду в Греции; потом на Ниле, близ Сфинкса, видевшего лицо
Через несколько дней я буду в Греции. Потом на Ниле, близ Сфинкса... И пойду к Баальбеку, к руинам капища, «воздвигнутого самим Каином в

²² Полный перечень работ, в которых транслируются эти тезисы см.: [Щавлинский.2021б]. Здесь приводим несколько наиболее показательных тезисов из работ исследователей.

Моисея, — и пойду через страну Авраама и Сарры — к Баальбеку, к руинам капища, воздвигнутого самим Каином «в гордости и безумии»... Всякий дальний путь — таинство: он приобщает душу бесконечности времени и пространства. А там — колыбель человечества. И я пойду к выходу из капища истории, — из руин, древнейших в мире, загляну в туманно-голубую бездну Мифа. [ХС.1917, с. 44]

гордости и безумии»... [ХС.1936, с. 175]

Рассказчик действительно видит в Востоке колыбель человечества и направляется к «выходу из капища истории». Это желание занять внеисторическую позицию, воспринимается нами в том же ключе, как и желание занять позицию наднациональную. Рассказчик стремится преодолеть все известные ему условности: идеологию, историю, язык. Особенно четко эти задачи подчеркиваются в доэмигрантских изданиях, когда как в эмигрантских — цель звучит не так внятно.

На протяжении всей книги Бунин эксплуатирует метафору «Восток — могила». В очерке «Тень Птицы»: «в этой стране руин и кладбищ» [ХС.1917, с. 45]. В очерке «Море богов»: «Египет — могила в пустыне <...>» [ХС.1917, с. 80]. В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Вся Иудея — как эта могила» [ХС.1917, с. 123]. Эта метафора присутствует в каждом очерке и во всех вариантах текста. Но такому пониманию Турции и Востока как чего-то мертвого, могильного и ветхозаветного противостоит исключенный в последующих редакциях фрагмент описания Галаты (район Стамбула):

Но жизнь не терпит покоя. <...> Галату, сердце этой лаборатории, часто называют помойной ямой Европы, Галату сравнивают с Содомом. Но Галата не погибнет: сброд, населяющий ее, кипит в работе. Он нищ и бешено жаждет жизни. Сам того не сознавая, он созидает новую вавилонскую башню — и не боится смешения языков: в Галате уже рождается новый язык — язык труда, рождается беспримерная терпимость ко всем языкам, ко всем обычаям, ко всем верам. Грудами пчелиных сотов — уступами многоэтажных узких домов покрывают Галата <...> Эти соты сверху до низу набиты семьями армян, евреев, греков, франков, всю жизнь проводящих в порту или на улицах, в работе и торговле. И только в домах Галаты существует то,

Не то Галата. Недаром Галату называют помойной ямой Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом.

Среди несметных кайков, стоящих возле потемневших от воды и времени деревянных свай, я выхожу вслед за Герасимом на Галатскую набережную, отдаю паспорт турецкому чиновнику, сидящему в сарае таможни, и вступаю в Галату в тот час, когда замирают призывы муэззинов, день по закону Ислама кончается и лавки должны запираются.

Но какое дело до изана Галате!

[ХС.1936, с. 182-183]

чего нет нигде в мире: бывает, что четверть дома принадлежит армянину, четверть — греку, четверть румыну, четверть — человеку совершенно неизвестного происхождения. В кофейнях, в парикмахерских, в конторах, в магазинах зачастую висят рядом портреты властителей всех стран земли — и ни к одному-то из этих властителей Галата и Пера не чувствуют ни даже малейшего почтения! Можно быть монархистом, анархистом, республиканцем — до этого в Галате нет никому никакого дела... Можно быть язычником, христианином, поклонником дьявола или Пророка — это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всех языках и наречиях Европы и Азии пишет свои вывески Галата! По ее покатым, узким улицам и переулкам, по каменным уступам, отшлифованным мириадами ног, среди ослов, собак, аргамаков и вагонов конки, движется единственный во вселенной маскарад. И никого-то и ничем не удивишь на этом маскараде: ни белой кэфией араба, ни черным атласом цилиндра, ни золотом каски, ни даже наготой негра, которую кто-то так хорошо назвал эбеновой! <...>

Но какое дело до изана Галате!

[ХС.1917, с. 52-53]

Галата сравнивается с пчелиным ульем, где кипит жизнь, кипит работа. Галата понимается как прогрессивное место (так подходящее космополиту-рассказчику), где не только стираются все культурно-политические маркеры, но и создается новый язык. В дореволюционных изданиях прогрессивность Галаты подчеркивается также наличием скрытого сравнения: в Константинополе (первый абзац III главы): «Тень Аллаха, как и всякая тень, так боится света, что не допускает в Константинополе электричества» [ХС.1917, с. 50], тогда как в Галате (последний абзац III главы): «лучи электрических солнц <...> легко и таинственно скользят по Галате, по Пере, по набережной и по рейду» [ХС.1917, с. 54]. Здесь же в Галате ощущается полная свобода: «И когда в этот зной врывается свежее дыхание ночи и моря, я пьянею от сладкого сознания, что и я в этом новом Содоме и свободен так, как может быть свободен только человек в Галате» [ХС.1917, с. 54]. Постулирование свободы и «электрическое» сравнение исключены в последующих редакциях.

Галата воспринимается как прогрессивное место, устремленное в будущее, общество труда, тотальной терпимости и новой этики (безразличия к инаковости). В своих оценках повествователь идет ещё дальше и строит настоящий футурологический прогноз (очень редкий и не свойственный для художественной прозы Бунина эпизод):

«Восточный поэт сказал бы, что здесь пала тень птицы Хумай. / Много раз меркла эта тень. Но за обладание местом, где пала она, лились реки крови. И раздоры и пророчества о будущем этого места, не смолкают и донныне. / Я думаю о нем, как о великом космополитическом царстве будущего. / Царства древние, созидавшиеся на костях и рабстве, земля уже много раз пожирала со всеми их богатствами, как легендарного Каруна. Великую, свободную семью, которая в будущем займет место свирепого византийского и султанского деспотизма, земля пощадит. <...> / Но Восток — царство солнца. Востоку принадлежит будущее» [ХС.1917, с. 68-69].

В эмигрантских изданиях понимание Востока как будущего исключается Буниным, остается только Восток как прошлое и вечное. В связи с этим, интерпретация, где Восток в травелоге Бунина прочитывался бы из суперпозиции, (одновременно Восток — могила и Восток — царство будущего) отсутствует в буниноведческих исследованиях.

Здесь же, в Стамбуле, демонстрируя читателю «подлинную Турцию», Бунин описывает ритуалы дервишей, их экстатические танцы. Сектанский экстаз здесь воспринимается Буниным как непрерывная традиция вихря:

От древнейших хороводов, знаменовавших сперва вихрь планеты вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца, идут и вихри дервишей. От экстаза «отрешения» суфи идет экстаз, которому предаются Ревущие и Кружащиеся дервиши и донныне. [ХС.1917, с. 68-69]

«Подлинность» подчеркивается и знанием рассказчика о том, что в «Константинополе большинство из них <дервишей> — плуты и актеры, холодно доводящие себя до головокружения... как современные поэты» [ХС.1917, с. 68-69]. Достается и современным русским поэтам-символистам, по мнению Бунина, явно «неправильно» увлеченных экстатическими

практиками²³. Однако, «подлинные» дервиши, это носители той древней традиции, которую они смогли, оберегая, пронести сквозь века, именно к таким Поэтам хочет причислить себя рассказчик²⁴ и именно с такими готов строить проект будущего:

Но когда-то были иные дервиши. / Они по праву носили имена поэтов, святых, созерцателей. И были они вне узаконенных религий, вне государств, вне обществ. / И мне хочется сказать: / Братья-дервиши, я не ищущу отрешения от видимого мира. Может быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищущу «опьянения» в созерцании земли, в любви к ней и в свободе, к которой призываю и вас пред лицом этого бессмертного, великого, в будущем — общечеловеческого города. Будем служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее. / И пребудем в любви к жизни и в веселии.

Эти фрагменты, опять же, исключены в эмигрантских изданиях.

В нашей статье мы стремились показать насколько сильно отличаются варианты текста доэмигрантских изданий (1915, 1917) от эмигрантских (1931 и 1936). Эта разность сильно отразилась на поэтике: исключение почти всего национального дискурса; исключение понимания Востока через метафору будущего; значительно исключение описания дервишей как носителей традиции и представителя того типа поэта будущего, которому сам рассказчик хочет принадлежать; исключение описаний Галаты как нового городского центра, несущего в себе современное и прогрессивное начала — всё это было исключено и закрепило прочтение текста только через метафору прошлого «Восток — могила».

Последовавшее «отчуждение» доэмигрантских изданий (за счет переизданий только одного варианта текста) и редкое обращение к ним в рамках исследовательских работ о «Храме Солнца» в советском и

²³ См. подробнее: [Анисимов, Щавлинский.2022].

²⁴ Это, но в негативном ключе, подмечает современник Бунина А. Бурнакин: «с некоторых пор, он, Бунин — восхищенный дервиш, чалмоносный богоискатель, минаретная сомнамбула! Странное превращение, неожиданный удел» [Бурнакин, с. 4].

постсоветском литературоведении закрепило подобные интерпретационные стратегии. И если для эмигрантских изданий данные интерпретации верны, то они никак не отображают читательские практики доэмигрантских изданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

[ТП.1908] *Бунин И.А.* Тень птицы // Альманах «Земля», сб. 1. Москва, 1908. С. 229–272.

[ХС.1915] *Бунин И.А.* Храм Солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. — Пг., 1915. — С. 100–220.

[ХС.1917] *Бунин И.А.* Храм Солнца. — Пг., 1917. — 174 с.

[ТП.1931] *Бунин И.А.* Тень Птицы: Рассказы 1907–1911 гг. — Париж, 1931. — 207 с.

[ХС.1936] *Бунин И.А.* Храм Солнца // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. — Берлин: Петрополис, 1936. — С. 169–308.

[ТП.1965] *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. — М., 1965. — С. 313–411, 483–501.

[Бурнакин] *Бурнакин А.* Литературные заметки. Начало конца // Новое время. — 1910. — 27 авг. (№ 12377). — С. 4.

[Мережковский] *Мережковский Д.С.* Асфодели и ромашки // Речь. — 1908. — 23 марта (№ 71). — С. 3.

[Чуковский] *Чуковский К.* Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина // Нива. — 1914. — № 49 (дек.). — С. 947–950.

Исследования

[Анисимов.2013] *Анисимов К.В.* «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И.А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллектив. моногр. — Томск, 2013. — С. 466–484.

[Анисимов.2021] *Анисимов К.В.* «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. — 2021. — №. 4. — С. 86.

[Анисимов, Пономарев.2022a] *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Книга очерков И. А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. — в печати.

[Анисимов, Пономарев.2022б] *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. — в печати.

[Анисимов, Щавлинский.2022] *Анисимов К. В.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? / К. В. Анисимов, М. С. Щавлинский // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — в печати.

[Голицына] *Голицына Т.Н.* Текстовые особенности ориентальных рассказов И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. Тезисы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения писателя. — Воронеж, 1995. — С. 82–83.

[Гольдин] *Гольдин С.Л.* Антиколонизаторская тема в творчестве И.А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. — Орехово-Зуево, 1964. — Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4. — С. 3–20.

[Килганова] *Килганова Г.В.* Ориентализм в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ун-т им. В.И. Ленина. — М., 1997. — 17 с.

[Латухина] *Латухина А.Л.* Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра : автореф. дис. ... канд. фил. наук. — Н. Новгород, 2004. — 22 с.

[Лишова] *Лишова Н.И.* Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2015. — № 1 (18). — С. 30–33.

[Пономарев] *Пономарев Е.Р.* «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 298–320.

[Пращерук] *Пращерук Н.В.* Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. — Екатеринбург, 1999. — С. 6–83.

[Щавлинский.2021а] *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред.- сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН; Литфакт, 2021. — С. 934–952. — (Академический Бунин; вып. 3).

[Щавлинский.2021б] *Щавлинский М.С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И.А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН; Литфакт, 2021. — С. 968–1001. — (Академический Бунин; вып. 3).

[Щавлинский.2022] *Щавлинский М.С.* История публикации книги И.А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной

научной конференции «Бунинские чтения» (20–21 октября 2022 г.) — в печати.

[Grob] *Grob T.* Orientalismus jenseits des Nationalen. Ivan Bunins Reiseerzählungen als Spur imperialer Raumerfahrung. // Susi. K. Frank (Hg): Erzählte Mobilität im östlichen Europa. — Tübingen, 2014. — S. 222–243.

[Kislova] *Kislova L.S., Ertner D.E.* The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. — 2019. — № 3 (57). — С. 127–133.

[Shagayeva] *Shagayeva Z.A.* Bunins Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. — Vienna, 2015. — S. 32–37.